

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ПРЕПОДАВАНИЕ ФОНЕТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛИТОВЦАМ

В настоящих заметках дано описание некоторых моментов сопоставительного анализа фонетической системы литовского и русского языков. Приемы сопоставительного анализа выработаны на основе преподавания русского языка литовцам.

Как известно, литовский язык, который находится в исконном родстве и близости со славянскими языками, обнаруживает много сходных черт с русским языком. Это касается и фонетической системы. Близость фонетических систем русского и литовского языков охватывает и состав фонем в их вариантах и, что не менее важно, соотношения фонем, наиболее ярко проявляющиеся в действующих фонетических процессах.

Практика преподавательской работы свидетельствует о том, что трудности овладения русским произношением литовцами заключаются не только в различиях звукового состава, в усвоении тех русских звуков, которые отсутствуют в литовском языке. Подлинные трудности обнаруживаются при всестороннем анализе сравниваемых фонетических систем, когда раскрываются различия в фонетических процессах, обуславливающие и неправильное произношение отдельных слов, и общий акцент.

В нижеследующих иллюстрациях внимание привлекается не только к резким, разительным отличиям, но и к таким отклонениям, которые кажутся несущественными и, однако, приводят в одних случаях к искажениям, в других — к сохранению акцента.

Фонема и присущие ей живые чередования

В литовском языке, как и в русском, различаются два ряда согласных — твердые и мягкие. Здесь наблюдаются и сходства с русским языком и, разумеется, свои различия, что можно проследить на примере усвоения литовцами произношения звуков [л] — [ль]. Твердый (веляризованный) [l] и мягкий [l'] произносятся в литовском литературном языке практически так же, как и в русском. В данном случае важно, как воспринимается произношение этих литовских звуков русскими. Твердое [l] в таких словах, как *lašas* «капля», *šluota* «метла», *lūšis* «рысь», легко отождествляется русскими с твердым [л], например, в словах *слава*, *ложка*, *лужа*. Мягкое литовское [l'] в словах *ledas* «лед», *lentà* «доска», *lieta* «липа», *lydys* «щука» и т. д. воспринимается русскими как мягкое [ль] в словах *ледной*, *лента*, *липа*, *Луда* и т. д.

Преподавателям русского языка в литовской школе не приходится прилагать особых усилий, чтобы добиться правильного произношения русских звуков [л], [ль], так как аналогичные звуки (фонемы) имеются в родном языке учащихся¹.

Прекрасно различая звуки [л], [ль], учащиеся тем не менее допускают ошибки в произношении слов с этими же звуками, заменяя в словах то твердое [л] мягким, то мягкое [ль] твердым. Например, произносит ошибочно, с мягким [ль], слова *наполнит*, *алгебра*, *волнение*, *мелкий*, *волчий* и т. д., а в словах *полага*, *националия*, *правительство*, *культура* и т. д. заменяют мягкое [ль] твердым.

Во всех таких случаях ошибочного произношения слов обычно говорят, что литовские учащиеся плохо различают и «смешивают» звуки [л], [ль]. В действительности, литовские учащиеся никак не могут смешивать [л], [ль], потому что аналогичные звуки, как уже было сказано, являются фонемам литовского языка. Причина же неправильного произношения обусловлена в данном случае другим обстоятельством.

Как известно, в литовском языке действует фонетический процесс регрессивной ассимиляции согласных по твердости — мягкости, который распространяется и на звуки [l], [l']. Этот процесс заключается в том, что группа согласных, предшествую-

¹ Ср. [l] твердое и [l'] мягкое в словах: *laužas* «костер» — *liūdis* «народ»; *lōva* «кровать» — *liūvėsi* «прекратил»; *lūkstas* «скорлупа» — *liūdininkas* «свидетель».

щая гласному, всегда является однородной — либо твердой, либо мягкой, так как последующий твердый или мягкий согласный уподобляет себе предыдущий и, таким образом, делает его соответственно твердым или мягким. В отношении звуков [l], [l'] обий процесс ассимиляции по твердости — мягкости отражается таким образом, что перед твердыми согласными произносится только твердое [l], а перед мягкими согласными — только мягкое [l']. Вследствие этого в литовском языке твердое [l] не встречается перед мягкими согласными, а мягкое [l'] не встречается перед твердыми согласными (если не считать некоторых заимствованных слов)¹.

Это легко заметить на следующих примерах: 1) твердое [l] перед твердыми согласными: *kalbà* «язык», *kálnas* «гора», *kaĩtas* «виноватый», *pułkas* «полк», *smulkiús* «мелкий», *galvà* «голова», *vilna* «шерсть», *báltas* «белый»; 2) мягкое [l'] перед мягкими согласными: *kálvis* «кузнец», *valstýbė* «государство», *šálti* «мерзнуть», *bálsis* «гласный (звук)», *žaltýs* «уж», *pálmė* «пальма». Особенно показательным является, конечно, чередование [l] — [l'] в словах одного и того же корня: *álkanas* «голодный», *álkis* «голод»; *kálnas* «гора», *kálnėlis* «пригорок»; *kaĩtas* «виновный», *kaĩtė* «вина»; *kalbà* «язык», *kabėti* «говорить»; *šáltia* «холодно», *šálti* «мерзнуть» и др.

Таким образом, становится ясным, что ошибки в произношении русских слов с [л], [ль] возникают только тогда, когда в словах встречаются непривычные для литовцев сочетания твердого [l] с последующим мягким согласным (например, *полáви*) или мягкого [ль] с последующим твердым согласным (например, *полáга*). Что касается причины ошибки, то она в данном случае кроется не в различии артикуляции [l], [l'] в русском и литовском языках, а в различии, по широте охвата и характеру действия, фонетических процессов в этих языках.

Приведенный разбор касается одного из моментов системы соотношения твердых и мягких согласных в литовском языке, осложненной процессом ассимиляции по твердости — мягкости. Он дает нам представление о формах отражения этой системы в процессе усвоения литовцами русского произношения и выдвигает ряд методических соображений².

В плане же теоретическом при сопоставлении фонетических систем важно учитывать не только состав и абсолютные характеристики фонем в сравниваемых языках, но и собственные фонематические чередования, являющиеся следствием действия соответствующих живых фонетических процессов. В связи с этим полная характеристика фонемы должна обязательно включать как необходимый момент указание на присущие ей жи и вье чередования.

Живые чередования группируют фонемы в ряды объективно подобных звуков (например, твердые и мягкие согласные, свистящие и шипящие согласные, звонкие и глухие согласные в русском и литовском языках; гласные [o] — [a] в русском языке и др.). Анализ таких рядов выявляет наиболее общие объективные связи и соотношения звуков в сравниваемых фонетических системах.

Фонема и присущие ей позиционные варианты

В предыдущем разделе речь шла об ошибке произношения, которая резко выделяется. Всякий заметит неправомерность произношения *культура*, *результат*, *молчѣя*, *польней* и, если не сумеет объяснить причину такой ошибки, то во всяком случае точно определит, в чем она заключается.

В этом разделе затрагивается такая особенность произношения некоторых русских слов литовцами, которая не всякому заметна, потому что она не приводит к замене одной фонемой другой и, следовательно, не нарушает понимания. Тем не менее описываемая ниже фонетическая особенность все же создает ошибку произношения.

В отличие от русского языка, где [н] не имеет сколько-нибудь заметных позиционных вариантов³, в литовском языке [n] обладает устойчивым заднеязычным вариантом в положении перед [k], [g]. Различие между переднеязычным [n] и заднеязычным [ŋ] выступает особенно четко при сопоставлении слов с одинаковым типом ударения и интонации, например: *ántakis* «бровь» — *laĩkas* «дуга»; *iĩtakas* «шпроток» —

¹ Ср., например, слова *álgebra*, *albùmas*, *almanàchas*, *válsas*, *páltas* и др., которые в литературной речи произносятся литовцами, вопреки общему правилу, с твердым [l] перед мягким согласным: [algebra] — и с мягким [l'] перед твердым согласным: [al'bumas], [al'manachas], [val'sas], [pal'tas].

² Например, относительно характера соответствующих фонетических упражнений. Нет надобности специально «отрабатывать» звуки [л], [ль]. Следует сосредоточить внимание на произношении слов типа 1) *волнение*, *полдень*; 2) *молчи*, *жельч*; 3) *пальма*, *полька*; 4) *Польша*, *больше*; 5) *силный*, *цельный* и т. д.

³ Если не считать, разумеется, позиционных фонематических чередований [н] твердого с [н'] мягким.

inkaras «якорь»; *kanda* «кусает» — *langas* «окно»; *antaĩ* «вон там» — *menkaĩ* «незначительно»; *lenià* «доска» — *pažangà* «прогресс».

Ошибка заключается в данном случае в том, что литовские учащиеся сохраняют свой заднеязычный вариант [ŋ] при произношении таких русских слов, как *банка*, *танк*, *стенка*, *картинка* и т. п. Эта фонетическая особенность обладает большой устойчивостью, и, так как в школе на нее совершенно не обращают внимания, редко можно встретить литовца, который, хорошо владея русским языком, не сохранял бы этой особенности акцента и произносил бы слова *банк*, *лошаденка* и т. п. с переднеязычным [n].

Еще сложнее обстоит дело с произношением [n] перед мягкими [к'], [г']. Процесс ассимиляции по мягкости в литовском языке, повидимому, в той или иной степени распространяется и на звук [n] перед мягкими [к'], [г']¹. Однако в этом случае возникает своеобразная ситуация. С одной стороны, заднеязычный характер артикуляции [k], [g] тянет [n] назад, с другой стороны, палатализованность, т. е. среднеязычная артикуляция, продвигает [n] вперед. Наблюдение показывает, что литовские учащиеся склонны читать в русских словах твердое *n* перед мягкими *k*, *g* в одних случаях как заднеязычный подумсмягченный [ŋ'], в других случаях — просто как переднеязычный смягченный [н']: *на стенке*, *на таньке*. В последнем случае нарушаются фонемные различия в русском языке (ср. *в банке* — *в баньке* и т. п.).

На приведенных наблюдениях основаны соответствующие методические указания². Но вместе с тем здесь напрашивается определенный вывод и теоретического порядка. При сопоставительном изучении фонетики важно сравнивать фонемы соприкасающихся языков во всех их вариантах. В определение фонемы обязательно должны входить все ее позиционные варианты, в особенности те из них, которые являются следствием действия фонетических процессов, приводящих к широким артикуляционным колебаниям (ср. [n — ŋ] в литовском языке; [a — ʌ] — в русском языке и т. п.).

Об артикуляционных различиях звуков, воспринимаемых как тождественные

Наблюдая практику языкового контакта в процессе усвоения неродного языка, нельзя не заметить, что при этом одни из звуков усваиваемого языка представляются тождественными звукам родного языка, другие — в той или иной мере отличными или даже чуждыми. Так, например, русские согласные [п], [б], [м], [в] представляются литовцу тождественными литовским согласным [p], [b], [m], [v], а, скажем, согласный [x] или гласный [ы] — несвойственными родной речи.

Однако во всех случаях учащихся прежде всего стремится подставить взамен каждого звука неродного языка «свой» звук, и, что особенно примечательно, такая замена носит характер не случайный, а закономерный. Закономерность в данном случае сказывается, во-первых, в том, что в общем все учащиеся подбирают для замены одни и те же звуки родного языка, и, во-вторых, в том, что замена осуществляется посредством *п о д о б н ы х з в у к о в*, т. е. звуков, имеющих наряду с разными характеристиками и общие черты. Так, русское [x] закономерно замещается литовским [k], отличающимся от [x] только смыслом, а русское [ы] замещается литовским кратким [i] вместе со старательно подчеркнутой твердостью предшествующего согласного (ср. произношение [dip'a] вместо [dyp'a] и т. п.). При этом остается в пренебрежении различие в рядах между смешанным русским [ы] и передним литовским [i], хотя литовскому языку вообще свойственна смешанная артикуляция гласных (ср. первую часть дифтонга в *labai* «очень», диалект. [labyĩ]).

Несомненно, что закономерность процесса субституции обусловлена объективными чертами сходства и различия находящихся в контакте языков. Именно поэтому изучение этого процесса, в особенности того, как он протекает на первых порах усвоения неродного языка, представляет для сопоставительной фонетики значительный интерес. Примечательны условия и основания замены далеких звуков³, но не менее полезен сопоставительный анализ звуков, которые представляются учащимся как тождественные. В настоящих заметках в качестве примера взяты литовские согласные *š*, *ž* в сравнении с русскими *ш*, *ж*.

¹ По моему мнению, литовцы произносят мягкие *k*, *g* неодинаково. Представители одних диалектов употребляют палатализованные [k'], [g'], других — палатальные (т. е. среднеязычные) *k*, *g* [h, ʃ].

² О различии в артикуляции [n] и [ŋ]; о способах преодоления привычки произносить [ŋ] перед [k], [g]; о постановке упражнений на произношение слов типа: 1) *горожанка*, *крестьянка*; 2) *горожанке*, *крестьянке*; 3) *яблонька*, *ноженька* и т. д.

³ Такой материал удобнее всего почерпнуть из анализа процесса соприкосновения языков с глубоко различными фонетическими системами, например, русского и китайского, русского и якутского и т. п.

Основное отличие русских *ш, ж* в сравнении с литовскими *s, ž* заключается прежде всего в том, что русские *ш, ж* не имеют соотносительных мягких пар в виде [ш'], [ж'], в то время как в литовском языке наличествуют соотносительные пары [š — š'], [ž — ž']. В данном случае, однако, мы обращаем внимание не на это различие, а на те особенности произношения русских [ш], [ж], которые отличают их от твердых литовских [š], [ž].

Литовские звуки не исследованы с такой глубиной и тщательностью, как это сделано для русского языка. Однако и педант, если внимательно прислушается к произношению русского [ш] в слове *шар* и литовского [š] в слове *šarka* «сорочка», заметит, что литовское твердое [š] произносится несколько иначе, именно «мягче», чем русское (не говоря, разумеется, о литовском мягком [š'] в таких словах, как *šidurė* «север», *šeši* «шесть» и т. д.). Точно так же и литовское твердое [ž] в слове *žarė* «зарев» произносится несколько мягче, чем русское [ж] в слове *жара* (не говоря о литовском мягком [ž'] в таких словах, как *žiaurūs* «жестокый», *žemė* «земля» и т. д.).

Акустическое своеобразие литовских твердых [š], [ž] в сравнении с русскими [ш], [ж] (поскольку это можно определить по слуховому впечатлению) обусловлено характером переднего фокуса литовских [š], [ž]. Как известно, при произношении русских [ш], [ж] кончик языка загнут вверх, в связи с чем передняя часть спинки языка вогнута. Язык принимает ложкообразную форму, форму впадины, которая и придает ш-образному (= ж-образному) шуму его твердость. При образовании же литовских [š], [ž] кончик языка вверх не загибается, а вместе с передней частью спинки языка плоское поднят к передней части неба. Впадина образуется самая незначительная или, может быть, вовсе отсутствует; тем самым š-образный (= ž-образный) шум лишается той твердости, которая присуща русским [ш], [ж].

Русские [ш], [ж] относятся, по определению Л. В. Щербы, к каккуминальным переднеязычным согласным, в то время как литовские [š], [ž] являются, по его же терминологии, апикальными и переднеязычными согласными.

Из сказанного вытекает тот вывод, что при обучении произношению русских [ш], [ж] не следует ограничиваться простым указанием на то, что в русском языке имеются только твердые [ш], [ж] в отличие от литовского языка, где наличествуют и твердые [š], [ž], и мягкие [š'], [ž']. Необходимо еще обратить внимание учащихся на особенности произношения русских [ш], [ж] в сравнении с литовскими твердыми [š], [ž], как об этом было сказано выше.

В плане сопоставительной фонетики литовского и русского языков важно еще отметить, что такое произношение литовских твердых [š], [ž] не является изолированным, а связано с общей установкой переднеязычных литовских согласных. Это особенно заметно при сравнении произношения литовского [r] (апикального) с русским [r] (каккуминальным). Литовское [r] твердое тоже производит впечатление более «мягкого», чем русское [r] твердое. Ср. произношение русских слов *рак, красивый* и литовских слов *raktas* «ключ», *kraštas* «страна».

Разумеется, что и такие малозаметные различия должны учитываться сопоставительной фонетикой, так как при ближайшем их изучении оказывается, что они тоже носят систематический характер.

О различии понятий «ошибка произношения» и «ошибка чтения» и о соотношении графических систем

В практике преподавания фонетики неродного языка очень важно различать ошибки, которые обусловлены трудностями произношения, и ошибки, которые не связаны с трудностями произношения, а целиком проистекают от незнания правил чтения изучаемого языка. В первом случае ошибки уходят своими корнями в объективные различия фонетических систем и артикуляционных навыков соприкасающихся языков, во втором случае артикуляционная база родного языка не препятствует правильному произношению, а ошибка вызвана «внешними» обстоятельствами: незнанием правил чтения усваиваемого языка или механическим перенесением принципов чтения родного языка на изучаемый язык.

Каждый литовец умеет произносить мягкое [č'] перед [a], [o], [u] [ā], так как соответствующие сочетания звуков являются обычными в литовском языке: ср. *svičias* [č'a] «гость», *šionā'* [č'o] «сюда», *jaudū* [č'u] «чувствую» и т. п. И вместе с тем очень распространено ошибочное произношение твердого [č] (вместо правильного мягкого [č']) в русских словах *час, чай, плечо, горячо, чудо, чувство* и т. д. Совершенно ясно, что неумение произносить мягкое [ч'] тут ни при чем, а ошибка вызвана механическим перенесением литовского правила чтения (буква č перед буквами *a, o, u* читается как [č] твердое) на русский язык, где действует другое правило: буква *ч*

читается как мягкое [ч'] перед всеми гласными буквами, в том числе и перед а, о, у¹.

Литовские учащиеся, овладевающие русским языком прежде всего путем чтения, легко усваивают значение буквы ё, обозначающей гласный [о] плюс смягчение предыдущего согласного в таких словах, как *рѣёт, берѣт, мѣт* и т. п., в отличие от буквы о, обозначающей «чистый» гласный, без смягчения предшествующего согласного, в словах *от, рот, нож* и т. п. Аналогию они находят в своем родном языке в произношении и написании таких слов, как *brolio* [l'o] «брата», *kirvio* [v'o] «топора», *bėrio* [r'o] «гнедого», *žėnio* [n'o] «горошки», с одной стороны, и слов *kailo* «кости», *laivo* «корабля», *vūgo* «мука», *kilno* «горы», с другой стороны. Когда же учащиеся встречаются с написаниями *иёл, дешёвый, лииён*, в отличие от *шов, карандашом, мешок* и т. д., они естественно склонны применить и здесь раа усвоенное правило и ошибочно читать *иё, жё* как [ш'o], [ж'o]. Они просто следуют прежде установленной аналогии с правилами чтения в литовском языке: ср. (*iki*) *šiol* «до сих пор» — *šonas* «бок»; *žibogas* «кузнечик» — *žodis* «слово» и т. п. Таким образом, через чтение усваивается и ошибочное произношение слов с *иё, жё* как [ш'o], [ж'o]. Преподаватели хорошо знают, что и в вузе эта ошибка является всеобщей и типичной. Причина ее ясна. Дело, разумеется, вовсе не в том, что литовцы не умеют или что им трудно произносить сочетания [ш'o], [ж'o], а в том, что не было усвоено или не было закреплено соответствующее правило чтения: сочетания букв *иё, жё* читаются как [š'o], [ž'o].

В литовском и русском языках действуют аналогичные процессы регрессивной ассимиляции последующим шипящим согласным предшествующего свистящего. В связи с этим, например, буква s перед буквой ё читается в литовском языке как [š], точно так же как буква c перед буквой ч читается в русском языке как [ш]; ср. лит. *pėšias* [š'ė'] «пеший», русск. *рапосчик* [ш'ч']. Между тем литовские учащиеся в подобных случаях в русских словах пытаются сохранить свистящий перед шипящими, вопреки своим же навыкам артикуляции и чтения, произносить непривычное для них звуко сочетание [сч = сэ]. Совершенно очевидно, что препятствует правильному произношению не трудность артикуляции, а незнание значения буквосочетания *сч* в таких словах, как *счастие, счет, считать, исчезает* и т. п.

Типичной ошибкой чтения является также опущение начального [й = j] в русских словах, начинающихся в буквы е: *Европа, ему, если, еще* и т. д., т. е. чтение *Европа, эму* и т. д. Эта ошибка встречается очень часто, хотя в литовском языке имеется ряд слов с начальным сонантом [j]. Ср. *jėigu* «если», *jėknos* «печень», *iėškoti* «искать», *iėtis* «копье» и т. д. Поводом к ошибке послужило то, что начальнoслоговая буква е обозначает в литовском письме «чистый» гласный, без сонанта [j].

Методическое значение этих фактов очевидно. Необходимо тщательно анализировать причину ошибочного произношения. Поскольку ошибка не вызвана различиями в артикуляционной базе, нет надобности ставить соответствующие фонетические упражнения (например, на произношение слов типа *час, иёл, счастье, если* и т. п.). Целесообразно в данном случае привлечь внимание учащихся к особенностям русского чтения в сравнении с соответствующими правилами в литовском языке.

В пользу упражнений на чтение свидетельствует еще и следующее обстоятельство. Нельзя не признать (об этом говорит анализ письменных работ), что часто вместе с неправильным чтением закрепляется и правильное написание слов. Так, если учащийся усвоил неправильное произношение русского слова *иёл* как [ш'олк], он тем самым закрепил правильное написание этого слова через ё, но не через о. Точно так же при неправильном произношении исчезает омонимия, например, таких пар, как *ожёг* (глагол) — *оже* (существительное), так как в первом случае учащиеся произносят [ž'o], а во втором [o].

Отсюда вопрос: не сбиваем ли мы с толку литовского учащегося, добываясь в подобных случаях правильного произношения, и не страшим ли мы усвоенные им, пусть неточные, превратно понятые, по дающие нужный эффект правила орфографии? Такая опасность была бы вполне реальной, если бы мы обучали в таких случаях учащихся произношению независимо от написания. А для того чтобы эту опасность свести к минимуму, следует, как мы полагаем, в случаях, когда правильное написание стоит в противоречии с произношением, обучать произношению через чтение, добываясь ясного понимания учащимися сложности соотношения произношения и письма. Имея постоянно перед собой написание, учащиеся свыкаются с на-

¹ Разумеется, что возможность произносить твердое [č] обусловлена наличием такого звука в литовском языке, но, с другой стороны, ничто в литовском языке не препятствует и произношению мягкого [č'] перед [a], [o], [u], не говоря о том, что твердое [č] встречается в литовском языке очень редко и большей частью на стыке морфем; ср. *ginčas* «спор».

личием в определенных случаях сложных, противоречивых отношений между произношением и письмом, и таким образом ослабляется обычное противоречие между задачами усвоения произношения веродного языка и его же орфографии.

Имеют место и ошибки смешанного порядка, простирающиеся, с одной стороны, от различия артикуляции в соприкасающихся языках, с другой стороны, от неправильного чтения, которое иногда называют «буквенным чтением».

В качестве примера сошлемся на ю, как отражаются особенности процесса ассимиляции по глухости — звонкости родного языка в русском произношении литовских учащихся. В литовском языке ассимиляция по глухости — звонкости обладает своими чертами, из которых отметим следующие.

Оглушение звонких перед глухими осуществляется не полностью, а наполовину. Так, например, в форме *dbr[h]ti* (ср. *dbrba* «работать») звук [b] оглушается только во второй своей части (т. е. только взрыв [b] является глухим), в то время как первая часть [b] (смычка) остается звонкой. То же в *dē[g]ti — dega* «гореть»; *grī[ž]ti — grīžo* «возвращаться»; *v[ž]ti — veža* «везти»; *lū[ž]ti — lūžo* «ломаться» и т. д.

Точно так же и озвончение глухих не является полным: озвончается только вторая половина согласного, примыкающая к последующему звонкому, в то время как первая половина остается глухой. Ср. *i[š]didus* «гордый», *i[š]gėrti* «выпить», *a[p]daras* «одежда», *a[p]gaulė* «обман», *v[š]dar* «все еще» и т. д.

Оглушение звонких согласных в конце слова в литовском языке тоже не является полным, хотя этот процесс вообще трудно проследить, так как формы литовских знаменательных слов обычно получают в исходе гласный, глухой согласный или сонант.

Так, повидимому, происходит ассимиляция по глухости — звонкости в литературном языке и, во всяком случае, в некоторых диалектах¹. В других же диалектах нам приходилось наблюдать стремление избежать ассимиляции и сохранить, например, звонкость конечного согласного путем присоединения к нему гласного призвука; ср. в слове *i[dʰ]* «итак» и т. п. Наконец, многие литовцы осуществляют полную ассимиляцию, как это имеет место в русском языке.

В русском произношении литовцев все эти диалектные различия, разумеется, находят свое отражение, но они часто осложняются неправильным чтением. Обычной является венодайна ассимиляция, как это свойственно, повидимому, некоторой части литовских диалектов и литературной речи, т. е. произношение русских слов: *мод[д]ка*, *[с]делати*, *берег[г]* (с конечно-глухими [д], [т] и конечно-звонким [с]). Однако очень часто (и притом независимо от диалектной принадлежности) наблюдается также стремление избежать уподобления и сохранить, например, звонкость согласного, произносимого *дуб[б]*, *са[дʰ]*, *ро[гʰ]*, *но[жʰ]*, *во[зʰ]* и т. д. Разумеется, что и в таких случаях следует обратить внимание учащихся не только на особенности русского произношения, но и на особенности чтения. И в этих случаях, имея в виду задачи усвоения правильного письма, предпочтительно обучение правильному произношению осуществлять через чтение.

Подобные вопросы соотношения произношения и письма неминуемо всплывают в теоретической сопоставительной фонетике, когда дело касается сравнительного анализа графических систем соприкасающихся языков. Произносительная система является независимой до тех пор, пока она не вышла соответствующего графического выражения. Как известно, после того как звуки языка нашли свое символическое отражение в письме, письмо, в свою очередь, оказывает, хотя и ограниченное, но достаточно ощутимое обратное влияние на произношение.

Весьма полезно установить, в каких графических формах нашли свое систематическое отражение фонетические процессы сравнительных языков. Приведем следующий пример.

Как уже было отмечено, в литовском языке наличествует сходная с русской система противопоставления твердых и мягких согласных. Литовская система твердых и мягких согласных имеет, однако, ряд своеобразных черт, что нашло свое отражение и в соответствующих особенностях системы графики литовского языка (если даже отвлекаться от различия латинских и русских знаков в сравнительных языках).

1. В литовском языке каждому твердому согласному фонематически противопоставлен соответствующий мягкий согласный, в то время как в русском языке шипящие согласные и [ц] в эту систему не входят или особым образом соприкасаются с ней. В связи с этим литовская система графического обозначения мягкости имеет единый, «сквозной» характер, охватывая и шипящие, и [с], тогда как в русском языке связь этих согласных с гласными отражена сложным, противоречивым образом; ср. лит. *mašīnā* [s'i], русск. *машина* [шы].

¹ Однако оглушение звонких и озвончение глухих фонематически все же представляется полным.

2. В литовском языке ассимиляция по мягкости охватывает, в основном, всю систему твердых — мягких согласных, в то время как в русском языке этот тип ассимиляции имеет ограниченный характер. В связи с этим литовское письмо не нуждается в особом «мягком знаке», подобном русскому *ь*, для обозначения мягкости согласного, стоящего перед другим согласным; ср. лит. *Melnikaitė* [l'n'i], русск. *Мел[ь]никайте* — в литовском языке достаточно обозначить мягкость согласного, непосредственно стоящего перед гласным, так как предшествующий согласный всегда подобен последующему.

3. В литовском языке всякий согласный, стоящий в конце слова, является твердым, следовательно, и здесь нет надобности в особом «мягком знаке».

Нет сомнения в том, что и анализ графических систем, поскольку в них нашли свое отражение фонетические процессы языков, является важным моментом в сопоставительном языкознании.

Таковы некоторые из линий сопоставительной фонетики, намечаемые в порядке изучения практики языкового контакта. Вопросы теории сопоставительного анализа языков выдвигаются практикой, их разрешение тоже должно быть практически целесообразным.

И. И. Цукерман

О ПОСОБИЯХ К КУРСУ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1

На страницах журнала «Вопросы языкознания» уже почти два года (1953—1955) обсуждаются вопросы о постановке преподавания в наших вузах общелингвистических дисциплин: «Введение в языкознание», «Общее языкознание» и «История языкознания». Почти все авторитетные специалисты высказались по ряду возникающих при этом больших проблем и множеству частных вопросов.

Если Ф. Ф. Кузьмину и удалось подвести некоторые итоги обсуждения преподавания курса «Введение в языкознание» и до известной степени твердо установить профиль курса как введения в марксистское языкознание¹, то гораздо труднее оказывается вопрос о двух других курсах, в особенности — «Истории языкознания».

Разногласий между авторами статей, напечатанных на эту тему, очень много, причем не только в деталях, но и в очень существенных узловых вопросах. Все трудности, обнаруживающиеся при размежевании названных трех дисциплин общелингвистического характера, объясняются, на наш взгляд, особенностями исторического развития самой лингвистической науки. Общеизвестно, что, например, в древней Греции языкознание, с одной стороны, возникает в виде элементарной грамматики, необходимой в практике общественной и государственной жизни страны для установления общих норм устной и письменной общенародной речи, с другой стороны, там уже в довольно раннюю эпоху появляется и иное, претендующее на научность, направление в языкознании в виде спекулятивно-философских попыток познания и истолкования фактов языка в их отношении к мышлению и к действительности. Можно сказать, что эта философия языка в те отдаленные от нас времена (2500 лет назад) представляла собой зачатки дисциплины, принявшей потом название «Общее языкознание». В своем дальнейшем развитии языкознание неоднократно испытывало «вторжения» философии и логики. Характеризовать их нет надобности, так как они общеизвестны. Кроме того, они и теперь имеют место. Не случайно поэтому и в новейшее время «Общее языкознание» носит часто название «Философия языка»². И не случайно уже в

¹ См. Ф. Ф. Кузьмин, К итогам обсуждения курса «Введение в языкознание», ВЯ, 1954, № 4.

² См., например, A. D a u z a t, La philosophie du langage, Paris, 1912; ср. также: e г о ж е, La vie du langage, Paris, 1922; A. M a r t y, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Bd. I, Halle a/S., 1908; E. C a s s i g e r, Philosophie der symbolischen Formen, T. I—Die Sprache, Berlin, 1923; O. J e s p e r s e n, Sprogetts logik, København, 1913; e г о ж е, The philosophy of grammar, New York, 1924. В середине и в конце XIX в. большую роль в развитии общего языкознания играют также физиология и психология. Если физиология является вспомогательной наукой в области фонетики, то в области грамматики и лексикосемантической стороны языка большое значение в объяснении языковых явлений, особенно изменений языка, приобретает психология (см. труды Г. фон Габеленца, Ж. Вав-Гвинкеца, О. Дитриха и др.). В своем двухтомном труде «Язык»